

*Выражаю признательность
доктору Александру Мэтьюсу
и имению Марты Геллхорн
за разрешение перепечатать отрывок из статьи
«Раненые возвращаются домой» Марты Геллхорн,
впервые увидевшей свет в «Кольерс Уикли»
(4 августа, 1944).*

**Памяти Никки Муар
(1919–2014),
первоклассной журналистки,
замечательной бабушки и женщины,
которая познакомила меня с Руби**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ты лежал в высокой траве, ветер тихонько обдувал тебя, а ты смотрел, как сотни серебристых самолетов роятся в небесах, словно тучи мошкеры. Вокруг тебя были зенитные орудия, они вздрагивали и кряхтели, пронзали небеса маленькими белыми вспышками. Ты видел свечение крыльев и длинные белые перья выхлопов, ты слышал рев моторов и треск пулеметов. Ты знал, что судьба цивилизации решается в пятнадцати тысячах футов над твоей головой, в мире солнца, ветра и неба. Ты это знал, но все равно никак не мог с этим согласиться.

*Вирджиния Коулес,
корреспондент «Санди Таймс».
В поисках неприятностей (1941)*

//////////

- 1 -

*Июнь 1940.
Нью-Йорк*

Руби ждала у кабинета Майка Митчелла уже сорок пять минут, сидя на жестком стуле под мерцающей электрической лампой. Блестящий этаж Рокфеллер-центра, где располагались роскошные кабинеты, предназначался не для «Америкен». Четвертый по популярности американский журнал прозябал на третьем этаже не имеющего лифта здания, расположенного в самой занюханной части Восточной Сорок седьмой улицы, и если кто-то жаловался на нехватку телефонов или необходимость надевать в помещении пальто в период с ноября по апрель, то мистер Митчелл просто смотрел на него взглядом, который, как знали все, обозначал: «Если тебе не нужна эта работа, то спустя секунду здесь будет десяток человек, с радостью готовых занять твое место».

Не успела Руби утром снять пальто, как ее вызвала его секретарша, и теперь, сидя в ожидании, она радовалась тому, что сегодня в очередной раз не успела позавтракать, потому что ее желудок принялся совершать кульбиты. Мистер Митчелл поздоровался с ней в первый день и после этого два раза кивал ей в коридоре, но она даже не была уверена,

знает ли он, кто она такая. А теперь, как выяснилось, он хочет ее увидеть.

Она считала, что успешно справляется со своей работой в журнале. Ее именем уже были подписаны две опубликованные статьи, а в пяти других случаях ее упоминали как соавтора. Она даже получила повышенный гонорар за недавнюю душщипательную историю о семье бельгийских беженцев, которые никак не могут прийти в себя от потрясения после катастрофического разгрома их страны.

Может быть, она кому-то перешла дорогу. Сделать это было легко, поскольку среднестатистический репортер — нервный, как кот в комнате, заставленной креслами-качалками. Не сказала ли она чего-нибудь не в свой черед на последней летучке? Может быть, она совершила ошибку, перебив кого-то из старой гвардии?

Мистер Митчелл этим утром был на удивление тих, что само по себе вселяло тревогу. Руби, проработав несколько первых дней в журнале, привыкла к его грубому реву, который был неизменно звучащей басовой нотой в редакционной комнате. Даже когда дверь его кабинета была закрыта, что случалось нечасто, его возгласы, то одобрительные, то возмущенные, было легко услышать за стуком печатных машинок, звонками телефонов. Но она понятия не имела, что представляет собой тихий Майк Митчелл — хорошо это или плохо.

— Мисс Саттон! Все еще здесь?

— Да, сэр, — ответила она и, чуть постукивая зубами, осторожно вошла в кабинет.

Она предполагала, что в его кабинете царит кавардак, как в кабинете почти любого главного ре-

ПИСЬМА ИЗ ЛОНДОНА

//////////

дактора — стопки бумаг, книг, страницы корректуры с пометками. Но стол мистера Митчелла был практически пуст. Два телефона, в середине одинокий лист бумаги, старый кофейник, из которого торчали ручки и карандаши для рисования музыкальных нот. А больше ничего.

Когда Руби вошла, мистер Митчелл смотрел в окно, из которого была видна лишь голая кирпичная стена, а когда развернул кресло лицом к ней, она изо всех сил постаралась не шевелиться. Прядка волос щекотала ее щеку, но она подавила в себе желание убрать ее за ухо. Если она начнет возиться с прядками, то непременно занервничает, а нервный вид будет подразумевать, что она знает за собой какие-то грехи. Это был один из первых уроков, которые она выучила девчонкой в приюте Святой Марии, и один из самых трудных.

Она откашлялась в ожидании, а когда он снова ничего не сказал, заговорила сама:

— Вы просили меня зайти к вам?..

— Да. — Он указал на стул перед его столом. — Садитесь и напомните мне — сколько вы у нас уже работаете?

— Около шести месяцев, сэра.

— Вы довольны работой? Нашли свое место?

— Да, сэра.

— Билл Петерсон вами доволен. Он говорит, что вы не жалеете себя на работе, а ваши уши и глаза всегда открыты.

Она облегченно вздохнула. Главный редактор был приятным малым, но скупым на похвалы. «Сойдет», — такой была самая высокая оценка, какую она слышала из его уст.

— Я...

— Я читал ваши работы. Вы не ахти какой стилист, верно? Правда, у нас и места для этого особо нет.

«Американ» имел свой собственный фирменный стиль, который напоминал продвинутую версию телеграфного, до сих пор используемую телеграфными службами с целью экономии денег на трансатлантических телеграммах. Сжатый, лаконичный и скупой, этот стиль относился к таким частям предложения, как обстоятельства, словно к икре — деликатесу редкому, на который в лучшем случае следует поглядывать с подозрением, — и безжалостно пресекал любые попытки персонала воспарить на своих поэтических крылышках.

Мистер Митчелл откинулся на спинку своего кресла, сцепил руки на затылке и впился в Руби немигающим взглядом.

— У меня есть одна мысль, как использовать ваши таланты. Это будет означать крутые перемены в вашей жизни.

У нее ушло несколько секунд, чтобы осмыслить услышанное.

— Не поняла. Разве вы вызвали меня не потому, что я где-то напортачила?

— Да нет же, черт побери. С чего вы это взяли? Если бы дело было в этом, я бы сразу так и сказал.

Он подался вперед, подтолкнул к ней по столешнице лист бумаги и показал, что она должна его взять.

— Я получил это от Уолтера Качмарека, редактора лондонской «Пикчер Уикли». Прочтите-ка.

28 мая 1940

Дорогой Майк,

Избавлю тебя от всяких вступлений и сразу перехожу к делу: теперь, когда «странный вой-

ПИСЬМА ИЗ ЛОНДОНА

//////////

на» осталась позади, Лондон заполняется американскими журналистами, и я, повстречав их на прошлой неделе не меньше дюжины, начал думать, что и мне один такой не помешал бы – тем ребятам, которых я встречал, палец в рот не клади, они находчивые, и им совершенно не свойственна показная учтивость. По крайней мере, в тех случаях, когда речь идет о хорошей статье. У меня нет бюджета, чтобы взять такого человека на полную ставку, но я мог бы разделить расходы, если бы ты надумал прислать ко мне одного из своих ребят. А если у тебя есть девчонка, то и того лучше; семейные новости сегодня – хлеб наш насущный. Кто-нибудь умный и независимый и не слишком заикленный на всяких тонкостях вроде сахара в кофе, потому что и то и другое теперь в дефиците в доброй старей Англии и, скорее всего, пребудет в таком состоянии еще долго.

Если в твоём лесу такие не водятся, так сразу и напиши. То же самое распространяется и на тот случай, если у тебя есть кого мне прислать.

С наилучшими.

Кач

— Ну? Что скажете? Вы готовы?

Руби, почти убежденная, что он разговаривает с кем-то другим, все же подавила в себе желание оглянуться и посмотреть, к кому обращены эти слова. Она попыталась сосредоточить свой неуверенный взгляд на письме.

— То есть вы хотите сказать, что думаете отправить туда меня?